

УДК 159.9.075
doi: 10.11621/vsp.2022.04.01

Научная статья

ПЕРЕЖИВАНИЕ ЛИЧНОСТЬЮ СОБСТВЕННОЙ ДЕСТРУКТИВНОСТИ

С.Н. Костромина¹, А.Ф. Филатова*²

^{1,2} Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия

¹ s.kostromina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9508-2587>

² as.filatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1464-6107>

* Автор, ответственный за переписку: as.filatova@yandex.ru

Актуальность. Понятие деструктивности личности описывает многообразии широко распространенных разрушительных и саморазрушительных явлений в жизни человека. Изучение таких феноменов отвечает запросам практики психологического консультирования и психотерапии, поскольку в перспективе может способствовать предотвращению негативных последствий деструкции для самой личности и для окружающих. Кроме того, подобное исследование может послужить вариантом переосмысления однозначно негативных интерпретаций человеческой разрушительности, ведь, по мнению многих психологов и философов XX века, деструкция связана с позитивными изменениями, развитием и становлением.

Цель. Целью данного исследования является изучение психологических особенностей переживания личностью собственной деструктивности.

Методы. В качестве методов исследования использовались полуструктурированное интервью и опрос с применением психодиагностических методик — «Многофакторного личностного опросника 16PF Р.Б. Кеттелла» и «Я-структурного теста Г. Аммона».

Выборка. Выборку составили 30 человек в возрасте от 18 до 45 лет, жители Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону и других городов Российской Федерации.

Результаты. Были выявлены значимые компоненты переживания личностью типичных ситуаций проявления деструктивности, различающиеся в зависимости от направленности разрушения на себя, на другого человека или на материальные объекты. Переживание аутодеструктивности характеризуется преобладанием мысленных оценок ситуации, отрицательных эмоций и однозначно негативных смыслов, в то время как деструктивности в отношении другого соответствует более амбивалентное эмоциональное

переживание и неоднозначная интерпретация. Разрушение материальных объектов часто сопровождается положительными эмоциями и активным поведением, приписыванием деструкции нейтрального значения. Была обнаружена связь степени выраженности деструктивности как свойства личности с эмоциональной нестабильностью, низкой чувствительностью и нонконформизмом, а также с эмоциональным наполнением переживания деструктивности.

Выводы. Феноменологическое описание переживаний собственной деструктивности подтверждает неоднозначность и многовекторность этого феномена, его связь как с отрицательными, так и с положительными эмоциями (радостью, интересом), конструктивными смыслами (отстаиванием границ «Я», обретением независимости) и позитивными жизненными изменениями в представлениях личности.

Практическое применение результатов. Данные об особенностях переживания личностью собственной деструктивности, их смысловом наполнении, значении в жизненном контексте, а также об их связи со структурой личности, представляют ценность для практики психологического консультирования и психотерапии и соответствуют широкому кругу клиентских запросов.

Ключевые слова: деструктивность личности, деструкция, аутодеструкция, феноменология переживания, переживание собственной деструктивности, личностный смысл.

Информация о финансировании. Исследование поддержано Российским научным фондом, грант № 22-28-00460 «Комплементарная модель самодетерминации личности: теоретические основания, диагностический инструментарий, практика внедрения».

Для цитирования: **Костромина С.Н., Филатова А.Ф.** Переживание личностью собственной деструктивности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 4. С. 3–38. doi: 10.11621/vsp.2022.04.01

doi: 10.11621/vsp.2022.04.01

Scientific Article

PERSONALITY'S EXPERIENCE OF ITS OWN DESTRUCTIVENESS

Svetlana N. Kostromina¹, Anastasya F. Filatova*²

^{1,2} Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

¹ s.kostromina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9508-2587>

² as.filatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1464-6107>

* Corresponding author: as.filatova@yandex.ru

Background. The concept of personality destructiveness describes the variety of widespread destructive and self-destructive phenomena in human life. The study of such phenomena caters to the needs of psychological counselling and psychotherapy, cause, in the long term, it can contribute to the prevention of the negative consequences of destruction for personality and others. In addition, such a study can be a way of rethinking the unambiguously negative interpretations of human destructiveness, since, according to many psychologists and philosophers of the 20th-century, destruction is associated with positive changes, development and “coming into being”.

Objective. The purpose of this study is to explore the psychological characteristics of a personality’s experience of its own destructiveness.

Methods. A semi-structured interview and a survey with application of psychodiagnostic techniques (The Sixteen Personality Factor Questionnaire by R.B. Cattell and the I-Structural Test of G. Ammon) were used as research methods.

Sample. The sample consisted of 30 people aged 18 to 45, residents of St. Petersburg, Rostov-on-Don and other cities of the Russian Federation.

Results. Significant components of a personality’s experience of typical situations connected with destructive manifestations were identified, which differ depending on the direction of destruction to oneself, to another person or to material objects. The experience of self-destructiveness is characterized by the predominance of mental assessments of the situation, negative emotions and unambiguously negative meanings, while destructiveness toward another corresponds to a more ambivalent emotional experience and ambiguous interpretation. The destruction of material objects is often accompanied by positive emotions and active behavior, the attributing a neutral meaning to the destruction. A connection between the measure of destructiveness as a personality trait and emotional instability, low sensitivity, nonconformism and the emotional content of experiencing destructiveness was found.

Conclusion. The research data indicate the ambiguity and multi-vector nature of the phenomenon of destructiveness, its connection with both negative and positive emotions (joy, interest), constructive meanings (protecting the boundaries of the Self, defending independence) and positive life changes in the personality’s representation.

Practical application of the results. Data on the personality’s experience of its own destructiveness, its semantic content, meaning in a life context, as well as its connection with the structure of personality, are valuable for the practice of psychological counseling and psychotherapy and correspond to a wide range of client requests.

Keywords: personality's destructiveness, destruction, self-destruction, phenomenology of experience, experience of its own destructiveness, personality's meaning.

Funding. The research was supported by the Russian Science Foundation, grant no. 22-28-00460 "The Complementary Model of Personal Self-Determination: Theoretical Foundations, Diagnostic Toolkit, Implementation Practice".

For citation: Kostromina, S.N., Filatova, A.F. (2022). Personality's Experience of Its Own Destructiveness. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin], 4, 3–38. doi: 10.11621/vsp.2022.04.01

Введение

Деструктивность традиционно определяется в психологической литературе как негативное свойство личности или как разрушающее поведение (Злоказов, 2017; Ипатов, Шишигина, 2018; Фромм, 2017). В то же время имеются данные, показывающие, что переживание собственной деструктивности может нести позитивную функцию, способствовать поддержанию целостности и устойчивости личности (Шпильрейн, 2020). Двойственность деструктивности в функционировании личности, неоднозначность и многовекторность влияния на поведение подчеркивает актуальность исследования деструктивных личностных проявлений.

Традиционное понимание деструкции как психодинамического процесса, «влечения к смерти» или «инстинкта разрушения» берет свое начало из классического психоанализа и работ С.Н. Шпильрейн и З. Фрейда.

С.Н. Шпильрейн впервые выдвинула тезис о наличии двух видов инстинктов¹ человека — созидательном и разрушительном, которым соответствуют стремление к устойчивости, самосохранению и желание трансформации (Шпильрейн, 2020). Деструкция, согласно концепции С.Н. Шпильрейн, является отрицательным компонентом инстинкта сохранения вида (размножения), который по сути своей амбивалентен и динамичен, поэтому «никакое изменение не может

¹ Здесь мы повторяем слово «инстинкт» вслед за самой С.Н. Шпильрейн, однако с оговоркой, что этот термин неприменим к описанию поведения человека с точки зрения современных научных исследований, а в более поздних психоаналитических концепциях он был вытеснен понятием «влечение».

происходить без уничтожения старого состояния» (Шпильрейн, 2020, с. 21).

Идея С.Н. Шпильрейн нашла отражение в метапсихологической теории З. Фрейда, в частности, в его концепции влечения к смерти. Деструкция выступает формой реализации влечения к смерти, которое, наряду с либидинозным влечением, является основным динамическим процессом, обуславливающим сложность и разнообразие психической жизни (Фрейд, 2020).

Концепция деструкции как формы влечения получила дальнейшее развитие в ряде постклассических психоаналитических школ и является актуальной для представителей данного направления в наши дни (Розенберг, 2018; Bohleber, 2018). Вслед за С.Н. Шпильрейн многие психоаналитики говорят о существовании архетипического паттерна близости созидания, творчества и разрушения (Greenberger, Allen, 1980; Recarte, 2020; Rosenthal, 2018).

Альтернативный подход представляют исследования, в которых деструкция рассматривается в соотношении с категорией свойства, в связи с чем осуществляется переход к термину «деструктивность» (Фромм, 2017; Karsambelis, 2018).

Спонтанная деструктивность, проявляющаяся в виде реактивного деструктивного поведения в экстремальной ситуации, не тождественна деструктивности как устойчивому свойству личности, связанному с ее структурой (Э. Фромм, 2017). Последняя несводима только лишь к поведенческим паттернам и требует системного рассмотрения, однако в большинстве современных академических исследований деструктивность определяется именно как свойство поведения.

В качестве предмета анализа рассматриваются различные формы разрушительной активности человека: деструктивное и аутодеструктивное поведение (Злоказов, 2017; Ипатов, Шишигина, 2018) или деструктивная деятельность (Лысак, 2014). Специфической целью деструктивного поведения, отличающей его от агрессивного, является разрушение в различных его формах, направленное прежде всего на объекты социальных отношений (Злоказов, 2017).

В ряде зарубежных работ анализируются личностные корреляты, предикторы и функции аутодеструктивного и самоповреждающего поведения (Boyes et al., 2020; Coleman et al., 2022; Kolbeck et al., 2019; Sheehy et al., 2019; Tsirigotis, 2018). По данным метааналитического исследования (Taylor et al., 2018), в 66–81% случаев самоповреждающее поведение служит реализации внутриличностных (интраперсональ-

ных) функций, таких как самонаказание и эмоциональная регуляция. Гораздо реже (33–56% случаев) самоповреждение выполняет межличностные (интерперсональные) функции — наказание других, межличностное влияние или сообщение об уровне переживаемого стресса.

Согласно современным теоретическим представлениям, самоповреждение является лишь одной из возможных форм аутодеструктивного поведения, под которым понимается любое намеренное причинение себе вреда и совершение индивидом разнообразных действий, имеющих для него негативные последствия (Польская, 2017).

Мы полагаем, что изучение деструктивного поведения как формы активности субъекта является недостаточным, поскольку чаще всего предполагает исключение из рассмотрения неосознаваемых мотивов, тенденций и характеристик ценностно-смысловой сферы личности.

Деструктивность, будучи комплексной характеристикой личности, объединяет в себе индивидуально-типологические особенности (астенические), стили организации деятельности (дисгармонические), особенности ценностно-смысловой сферы (асоциальные мотивы), особенности адаптации (дезадаптивные стратегии) (Злоказов, Прядеин, 2014).

Согласно современным представлениям о многоуровневом характере предметного поля психологии личности (Костромина, 2019; Костромина, Гришина, Мироненко, 2018; Furnham, Cheng, 2019; Sosnowska et al., 2019, 2020; Strus, Ciecuch, 2017), деструктивность можно рассматривать как метахарактеристику, обобщающую ряд системных свойств и функций личности. В качестве последних могут выступать, например, описанные Г. Аммоном основные функции структуры «Я»: агрессия, тревога, «Я-отграничения» (т.е. регуляция внешних и внутренних границ «Я»), нарциссизм и сексуальность (Аммон, 2019). Деструктивный вариант проявления этих «Я-функций» характеризуется чрезмерной выраженностью по сравнению с конструктивной и дефицитарной формами, вследствие чего разрушается целостность личности, ее отношения с окружающими или ее деятельность.

Обобщая вышеизложенные концепции и определения, можно сделать вывод, что деструктивность — это метасвойство личности, которое проявляется в стремлении к разрушению объектов и систем окружающего мира, а также в стремлении к саморазрушению. Разноплановость проявлений деструктивности как метасвойства

личности подразумевает изучение не только непосредственно наблюдаемых внешних поведенческих паттернов, обнаруживающихся в деятельности и активности, но и внутриспсихических аспектов, например, психической аутоагрессии, деструктивной тревоги, фиксации на чувстве вины. Перенос фокуса внимания во внутренний план и переход к рассмотрению содержательной и сущностной стороны психического предполагают обращение к феноменологии переживаний личности.

В рамках субъектно-деятельностного подхода под переживанием принято понимать непосредственное отражение самим субъектом своих собственных состояний (Веккер, 2000), а также деятельность, направленную на смыслопорожение и смыслостроительство (Василюк, 1984).

Изучение феноменологии переживаний личности предполагает выявление и описание различных структурно-динамических компонентов переживания: эмоционального, когнитивного, поведенческого, психосемантического (Улановский, 2009; Фахрутдинова, 2018). Эта модель может быть использована и для исследования переживания личностью собственной деструктивности.

Основными эмоциональными составляющими деструктивного опыта могут выступать тревога, страх, стыд, вина, обида (Дьяков, 2019). При этом чаще всего подчеркивается отрицательная роль семантической (смысловой) репрезентации деструктивного опыта в самоорганизации личности: деструктивные механизмы нарушают оптимальность системы психической самоорганизации, ее активность и препятствуют гармоничной адаптивности и самореализации личности в жизненном пространстве (Дьяков, 2019).

В то же время психосемантический компонент переживания может выступать ключевым фактором преодоления кризисных жизненных ситуаций или пограничных ситуаций (по К. Ясперсу), в которых переживание деструкции может иметь созидательный смысл (Василюк, 1984; Anton, 2020). В связи с этим особую значимость представляют данные о смысловом наполнении переживаний собственной деструктивности, т.е. о личностном смысле, приписываемом человеком собственным деструктивным проявлениям.

Цель

Целью данного исследования является изучение психологических особенностей переживания личностью собственной деструктивности. Основной исследовательский вопрос заключается в том,

какие значимые компоненты переживания могут быть выявлены при описании феноменологии переживания деструктивности. Также важно уточнить, как эти компоненты связаны с направленностью деструктивности в различных жизненных ситуациях. Кроме того, одной из задач является изучение связи особенностей переживания личностью собственной деструктивности с устойчивыми характеристиками личности.

Были сформулированы следующие *гипотезы* исследования:

1. Феноменология переживания личностью собственной деструктивности может быть описана посредством выявления значимых когнитивных, эмоциональных, поведенческих и психосемантических (смысловых) компонентов переживания, различающихся в зависимости от направленности деструктивности в разных жизненных ситуациях.

2. Выраженность деструктивности как свойства личности значимо связана со структурой личностного профиля и с особенностями переживания личностью собственной деструктивности.

Методы

В качестве методов исследования использовались полуструктурированное интервью и опрос с применением психодиагностических методик, а именно: «Многофакторного личностного опросника 16PF (форма C) Р.Б. Кеттелла» в адаптации В.И. Похилько, А.С. Соловейчика, А.Г. Шмелева и методики «Я-структурный тест Г. Аммона» (ISTA) в адаптации Ю.А. Тупицына.

Авторское полуструктурированное интервью было разработано с целью выявления понимания и описания респондентами феномена деструктивности на примере различных жизненных ситуаций. Интервью включало 18 вопросов и состояло из 3 тематических блоков (табл. 1).

Психодиагностические методики использовались для проверки гипотезы о наличии связи особенностей переживания личностью собственной деструктивности с личностными чертами. «Многофакторный личностный опросник 16PF Р.Б. Кеттелла» применялся для изучения структуры личностного профиля и измерения 16 черт-факторов, а методика «Я-структурный тест Г. Аммона» (ISTA) — для оценки степени выраженности деструктивности как свойства личности, измеряемой в виде суммарного показателя по шкалам деструктивных «Я-функций» (агрессии, тревоги, внутреннего и внешнего «Я-отграничения», нарциссизма и сексуальности).

Таблица 1

Структура авторского интервью с примерами вопросов

№	Тип вопроса	Примеры вопросов	Маркеры для контент-анализа
1	Определение респондентом понятия «деструктивность», перечисление ассоциаций с этим словом, самооценка респондентом степени выраженности собственной деструктивности и аутодеструктивности	Знакомо ли Вам слово «деструктивность»? Что Вы под ним понимаете? С чем у Вас ассоциируется слово «деструктивность»? Считаете ли Вы, что Вам присуще такое качество, как деструктивность?	Категории понятия «деструктивность», категории ассоциаций
2	Описание респондентами конкретных жизненных ситуаций, в которых проявлялась их деструктивность. Вопросы о 5 аспектах: мыслях, чувствах, действиях, возникавших в этой ситуации, а также о личностном смысле ситуации (ее «значение для меня») и ее позитивном значении в контексте всей жизни	Попробуйте описать себя в этой ситуации. Что конкретно Вы делали? Что Вы чувствовали? Какие мысли возникали у Вас в тот момент? Как Вы сегодня оцениваете эту ситуацию? Что эта ситуация значит для Вас сейчас?	Категории жизненных ситуаций, в которых проявляется деструктивность личности, компоненты переживания личностью собственной деструктивности
3	Резюмирующие вопросы о роли деструктивности в жизни респондента	Как бы Вы в целом оценили роль деструктивности в Вашей жизни? Могли бы Вы сейчас сформулировать какое-то новое определение этого явления, начав со слов «Моя деструктивность — это...»	Категории личностного смысла, приписываемого собственной деструктивности

Процедура обработки качественных данных представляла собой тематический контент-анализ, включающий преимущественно дедуктивное, или «направленное теорией» (theory-driven) кодирование (Хорошилов, Мельникова, 2020). Согласно этому методу, данные кодировались по уже заранее готовой категориальной схеме, состав-

Table 1

Structure of the author's interview with examples of questions

№	Question type	Examples of questions	Markers for content analysis
1	The respondent's definition of the concept of «destructiveness», the enumeration of associations with this word, the respondent's self-assessment of their own destructiveness and self-destructiveness	Do you know the word «destructiveness»? What do you mean by it? What do you associate the word «destructiveness» with? Do you think that you have such a quality as destructiveness?	Categories of the concept of «destructiveness», categories of associations
2	The respondent's description of specific life situations in which their destructiveness was manifested. Questions about 5 aspects: thoughts, feelings, actions in this situation, as well as about the personality's meaning of the situation (its «meaning to me») and its positive meaning in the context of life	Try to describe yourself in this situation. What exactly did you do? How did you feel? What thoughts did you have at that moment? How do you assess this situation today? What does this situation mean to you now?	Categories of life situations in which the personality destructiveness is manifested, components of a personality's experience of its own destructiveness
3	Summarizing questions about the role of destructiveness in the respondent's life	How would you generally assess the role of destructiveness in your life? Could you now formulate some new definition of this phenomenon, starting with the words «My destructiveness is...»	Categories of personality's meaning attributed to one's own destructiveness

ленной по итогам анализа научной литературы и предшествующих исследований по интересующей проблеме (Филатова, 2022).

В качестве методов математико-статистической обработки количественных данных использовались методы описательной статистики (расчет средних значений, стандартного отклонения, асимметрии и эксцесса), корреляционный анализ (расчет коэффициента корреляции r -Спирмена) и линейный регрессионный анализ с пошаговым включением, факторный анализ методом главных компонент с вращением Varimax, иерархический кластерный анализ и кластеризация методом k -средних. Для сравнительного анализа значений переменных в группах респондентов применялся критерий Краскала-Уоллиса.

Выборка

В исследовании приняли участие 30 человек (средний возраст — $25,5 \pm 5,5$), жители Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону и других городов Российской Федерации, из которых 24 женщины, 5 мужчин и 1 небинарный человек. Уровень образования большинства респондентов — высшее профессиональное образование (76,7%). Основным родом деятельности для 7 респондентов является получение образования, для 14 — трудовая деятельность, для 9 — совмещение учебной и профессиональной деятельности. Метод подбора — произвольная выборка.

Описание хода исследования

Сбор данных осуществлялся в течение 2021 года. Исследование проводилось преимущественно в формате очной беседы с респондентами по вопросам полуструктурированного интервью. Далее с помощью онлайн-сервиса «Google forms» респонденты заполняли опросник, содержащий вопросы о социально-демографических данных и бланки психодиагностических методик.

Результаты

Феноменология переживания личностью собственной деструктивности

Проверка первой гипотезы исследования осуществлялась на основе тематического контент-анализа данных полуструктурированного интервью.

Феноменологические описания событий, связанных с деструктивностью, и сопровождающих их переживаний, позволили дифференцировать типичные ситуации проявления деструктивности в зависимости от ее направленности на другого человека, на себя или на материальные объекты (рис. 1).

Две трети респондентов (66,7%, $n = 30$), отвечая на просьбу рассказать любой эпизод из жизни, связанный с проявлением деструктивности, в первую очередь вспоминали о жизненных ситуациях, в которых их деструктивность была направлена на себя. На рис. 1 можно увидеть, что такие ситуации определяются чаще всего (62,9% ответов) как нефизическое или ментальное саморазрушение: «самокритика», «самокопание», «самобичевание». В 14% ответов представлены ситуации употребления табачных изделий или алкоголя, а также приступы расстройств пищевого поведения. В 20% случаев

«аутодеструктивная» жизненная ситуация описывается как непосредственное физическое саморазрушение — самоповреждающее поведение или «селфхарм».

Жизненная ситуация, в которой деструктивность направляется субъектом на другого человека, определяется респондентами чаще всего (78,5%) как ссора или конфликт в значимых близких отношениях, реже (21,4%) — как расставание, разрушение или разрыв отношений.

Деструктивность по отношению к материальным объектам, согласно ответам респондентов, проявляется в 3 типах жизненных ситуаций (рис. 1):

1) Сознательное разрушение материальных объектов во время ссоры/конфликта или по причине ссоры/конфликта, т.е. в связи с контекстом межличностных отношений (50%);

2) Сознательное разрушение материальных объектов с целью отреагирования негативных эмоций, снятия напряжения (41%);

Рис. 1. Частотный анализ категорий жизненных ситуаций, в которых проявляется деструктивность личности (результаты тематического контент-анализа)

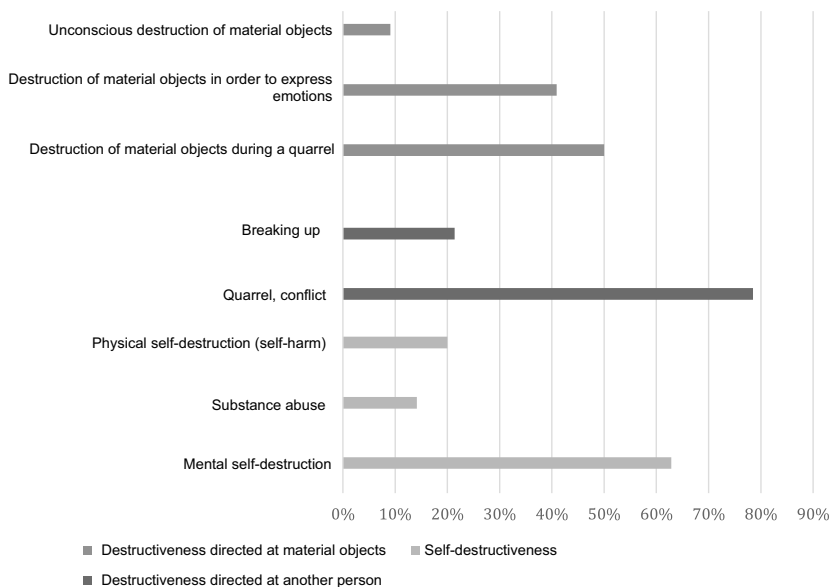

Fig. 1. Frequency analysis of categories of life situations in which the destructiveness of the personality is manifested (results of thematic content-analysis)

3) Непреднамеренное и случайное разрушение материальных объектов в быту (9%).

Вне зависимости от направленности деструктивности, все ответы респондентов сопровождалось описанием мыслей, эмоций, чувств и действий, что позволило нам выделить и систематизировать значимые когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты переживания собственной деструктивности в различных жизненных ситуациях (табл. 2).

На основе частотного анализа с использованием таблиц сопряженности можно сделать вывод о наличии связи между направленностью деструктивности в жизненных ситуациях и особенностями переживания собственной деструктивности ($p \leq 0,05$).

Мысли о целевых характеристиках собственных действий («Я хочу обидеть, отомстить, разрушить другого») в большей мере характерны для переживания ситуации проявления деструктивности по отношению к другому человеку (60,6%), в то время как мысленные оценки ситуации («То, что происходит — плохо, обидно, неправильно,

Таблица 2

Частотный анализ компонентов переживания личностью собственной деструктивности (результаты построения таблиц сопряженности)

Компоненты переживания		Направленность деструктивности в ситуации (в %)			Всего ответов	Хи-квадрат	r-Спирмена
		на другого	на себя	на мат. объекты			
Мысли	Целевые характеристики	60,6	21,2	18,2	33	17,512**	-0,395**
	Оценки ситуации	33,9	42,9	23,2	56	8,6*	-0,168
Чувства	Социальные	50	38,5	11,5	26	8,5*	-0,3**
	Интрасубъектные	30	44	26	50	6,03*	-0,55
	Интерсубъектные	39,6	35,8	24,5	53	4,77	-0,22*
Эмоции	Отрицательные	35,6	42,4	22	59	11,02**	-0,23*
	И положительные, и отрицательные	46,2	23,1	30,8	13	1,26	-0,08
	Положительные	0	0	100	3	6,2*	0,23*
Действия	Пассивные	34,8	65,2	0	23	19,74**	-0,25*
	Вербальные	100	0	0	17	41,9**	-0,59**
	Активные	22,9	35,4	41,7	48	5,62	0,25*

Примечание: * — отмечены результаты, имеющие статистическую значимость на уровне $p \leq 0,05$; ** — отмечены результаты, имеющие статистическую значимость на уровне $p \leq 0,01$

несправедливо») чаще сопровождают проявления аутодеструктивности (42,9%).

Интерсубъектные, т.е. направленные на другого, чувства (например, злость или обида) связаны с деструктивной активностью в отношении другого (39,6%). Деструктивность, направляемая человеком на самого себя, чаще сопровождается интрасубъектными чувствами или характеристиками самочувствия — дискомфортом, грустью, болью (44%).

При этом более амбивалентное эмоциональное наполнение переживаний характерно для ситуаций, в которых деструктивность направляется вовне: разрушение другого в два раза чаще сопровождается одновременно и положительными, и отрицательными эмоциями (46,2%), по сравнению с разрушением себя (23,1%). Также для ситуаций разрушения другого в большей мере характерно пере-

Table 2

Frequency analysis of the components of personality's experience of its own destructiveness (results of constructing crosstabs)

Components of personality's experience		Direction of destructiveness in the situation (in %)			Sum	Chi-square	R (Spearman's correlation)
		to another person	to oneself	to material objects			
Thoughts	Characteristics of purpose	60.6	21.2	18.2	33	17.512**	-0.395**
	Assessment of the situation	33.9	42.9	23.2	56	8.6*	-0.168
Feelings	Social	50	38.5	11.5	26	8.5*	-0.3**
	Intrasubjective	30	44	26	50	6.03*	-0.55
	Intersubjective	39.6	35.8	24.5	53	4.77	-0.22*
Emotions	Negative	35.6	42.4	22	59	11.02**	-0.23*
	Both positive and negative	46.2	23.1	30.8	13	1.26	-0.08
	Positive	0	0	100	3	6.2*	0.23*
Actions	Passive	34.8	65.2	0	23	19.74**	-0.25*
	Verbal	100	0	0	17	41.9**	-0.59**
	Active	22.9	35.4	41.7	48	5.62	0.25*

Note: * — results with significance level $p \leq 0.05$; ** — results with significance level $p \leq 0.01$

живание социальных чувств — стыда, вины, жалости (50%), в отличие от ситуаций саморазрушения (38,5%). Полученные данные согласуются с положениями психоаналитической теории о том, что аутодеструктивность и мазохизм формируются в результате подавляющего воздействия «Сверх-Я», которое подвергает деструктивный импульс, направленный на другого, цензуре посредством вины и стыда (Фрейд, 2020; Розенберг, 2018). Согласно этой логике саморазрушение может переживаться как более приемлемое с точки зрения социума, более допустимое с позиции норм морали. В нашем исследовании данный тезис подтверждается также тем, что большинство респондентов в первую очередь рассказывали о тех ситуациях, в которых они проявляли деструктивность по отношению к себе. Полагаем, что собственная деструктивность по отношению к другому человеку активнее подвергается цензуре или вытеснению, и обсуждение этой темы в интервью может вызывать большее сопротивление.

Вербальные действия — крики, оскорбления, обидные слова, — характеризуют только ситуации проявления деструктивности в отношении другого (100%). Аутодеструктивность респондентов проявляется в пассивных действиях («думал», «злился на себя», «лежала и плакала») и в активных (например, самоповреждение или употребление алкоголя): 65,2% и 35,4% ответов соответственно.

Разрушение материальных объектов переживается в связи с контекстом отношений со значимым другим и сопровождается интерсубъектными чувствами (24,5%). Однако также имеют место интрасубъектные чувства (26%), связанные с дискомфортом или дистрессом. При этом разрушение материальных объектов, в отличие от других типов жизненных ситуаций, часто сопровождается однозначно положительными эмоциями (100%). Можно объяснить это тем, что целенаправленное и осознанное разрушение материальных объектов может служить конструктивным способом разрядки эмоционального напряжения и отреагирования негативных эмоций как в ситуациях межличностных конфликтов, так и в случае переживания субъективного дискомфорта.

Далее был проанализирован психосемантический компонент переживания деструктивности, т.е. категории личностного смысла, приписываемого человеком собственным проявлениям деструктивности в различных жизненных ситуациях (рис. 2).

Поскольку личностный смысл рассматривается в литературе как качественно определенное отношение личности к событиям жизни (Леонтьев, 2007), обобщенные нами категории психосемантического компонента переживания соответствуют различным вариантам качественной интерпретации личностью собственного опыта (положительный/отрицательный/нейтральный/неоднозначный опыт).

В качестве отрицательного жизненного опыта чаще всего (55,6%) рассматривается деструктивность, направляемая человеком на самого себя («Больше не хочется делать себе больно», «Это не работает, это глупо, я навредил только самому себе»).

Разрушение материальных объектов, согласно 50% ответов, переживается скорее как нейтральный и незначимый опыт, предположительно, в силу того, что оно чаще происходит в обычных бытовых ситуациях и не имеет серьезных необратимых последствий («Это случилось один раз и позволило успокоиться в моменте», «Мне стало легче, когда я швырнула стул, какая-то часть энергии ушла вместе со стулом»).

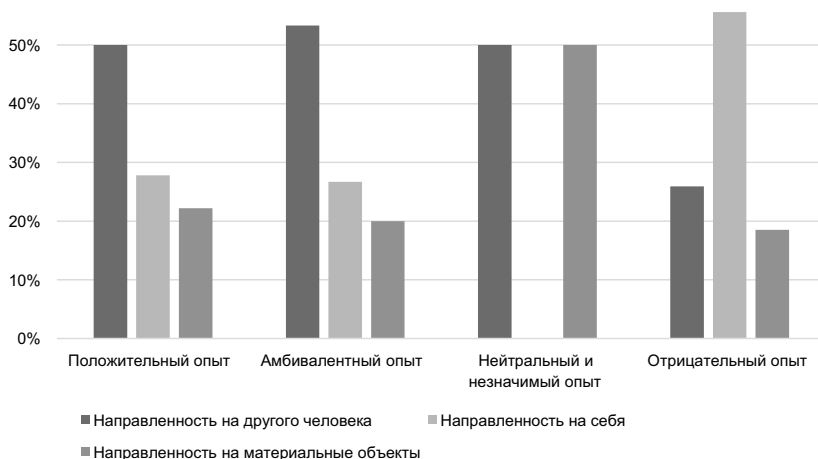

Рис. 2. Частотный анализ категорий психосемантического компонента переживания личностью собственной деструктивности (результаты тематического контент-анализа)

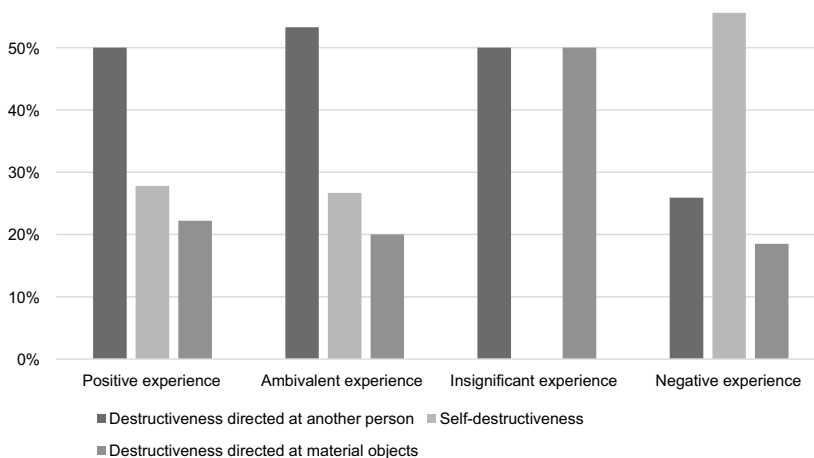

Fig. 2. Frequency analysis of the categories of the psychosemantic component of a person's experience of its own destructiveness (results of thematic content analysis)

Деструктивным проявлениям в отношении другого человека чаще по сравнению с остальными типами ситуаций (50%) приписывается позитивное значение («Очень положительно оцениваю ситуацию, прекрасная ссора. Она открыла мне глаза»). При этом

в 53% ответов подобные случаи оцениваются неоднозначно, как амбивалентный опыт («Злость и любовь, жалость и гордость одновременно», «Мне стыдно, что я сорвалась. Но при этом считаю, что сестра не права, что нарушила мой запрет»).

Также в ходе контент-анализа была обнаружена связь субъективных оценок проявлений собственной деструктивности и позитивных жизненных изменений: разрушение связывается с новым знанием о себе, о другом человеке, о людях и жизни в целом, улучшением отношений, личностными изменениями, созиданием, переосмыслением. Деструктивность, направляемая человеком на самого себя, связывается с подобными положительными изменениями в 46,7% ответов, деструктивность, направленная на другого человека — в 33,3%, а разрушение материальных объектов — в 20%.

Иллюстрацией данных тематического контент-анализа могут послужить следующие ответы респондентов:

1) «**Деструктивность в моей жизни есть, но я хотела бы с ней бороться.** Я бы не хотела разрушать что-то. Для меня такие моменты очень болезненны, я бы не хотела, чтобы они были в моей жизни» (собственная деструктивность интерпретируется как однозначно негативное свойство);

2) «**Моя деструктивность проявляется в том, что я не контролирую эмоции, обижаю людей, разрушаю свои отношения с ними, не забочусь о своем здоровье. Но разрушая, я что-то приобретаю. Что-то новое приходит на замену. Деструкция тоже должна быть**» (подчеркивается неоднозначность, противоречивость феномена деструктивности: это отрицательное качество, но иногда оно может использоваться в конструктивных целях, способствовать позитивным изменениям в жизни);

3) «**Моя деструктивность — это мощный ресурс для изменений.** Моя разрушительность проявляется в создании» (деструктивность рассматривается как положительное свойство личности, как ресурс);

4) «**Моя деструктивность направлена на успокоение в моменте.** Связана с желанием чего-то достичь. Направлена не на то, чтобы раз и навсегда с чем-то закончить, а на то, чтобы более спокойно пережить моменты кризиса, связанного с реализацией задуманного» (деструктивность оценивается нейтрально как неотъемлемая черта, данность, естественное свойство личности).

Факторная модель компонентов переживания личностью собственной деструктивности

Результаты обработки данных полуструктурированного интервью, представленные в виде количественных шкал, далее обрабатывались посредством факторного анализа методом главных компонент с применением вращения Varimax. Целью факторного анализа являлось уменьшение размерности переменных и выделение базовых интегральных характеристик переживания деструктивности. Была построена 6-факторная модель, описывающая особенности переживания личностью собственной деструктивности и объясняющая 76% совокупной дисперсии переменных (Критерий сферичности Бартлетта = 232,9; $p = 0$). В табл. 3 представлены структура факторов и факторная нагрузка образовавших их переменных.

Таблица 3

Факторная структура особенностей переживания личностью собственной деструктивности

Переменные	Нагрузки
Фактор 1. Эмоциональное переживание деструктивности (22,95% дисперсии)	
Эмоции — отрицательные	0,699
Действия — активные	0,657
Чувства — интерсубъектные	0,617
Чувства — социальные	0,551
Чувства — интрасубъектные	0,434
Фактор 2. Положительная оценка собственной деструктивности (37,4% дисперсии)	
Действия — вербальные	0,607
Эмоции — положительные	0,558
Смысл — положительный жизненный опыт	0,347
Фактор 3. Неоднозначная оценка собственной деструктивности (50,1% дисперсии)	
Смысл — неоднозначный опыт	0,828
Позитивные изменения в жизни	0,641
Мысли — целевые характеристики действий	0,471
Фактор 4. Амбивалентное эмоциональное переживание деструктивности (59,7% дисперсии)	
Эмоции — и положительные, и отрицательные	0,734

Переменные	Нагрузки
Смысл — нейтральный опыт	0,497
Фактор 5. Когнитивная оценка ситуации разрушения (68,7% дисперсии)	
Мысли — оценки ситуации	0,578
Фактор 6. Отрицательная оценка собственной деструктивности (75,9% дисперсии)	
Смысл — отрицательный опыт	0,478
Действия — пассивные	0,358

Table 3

Factor structure of the features of personality's experience of its own destructiveness

Variables	Factor loadings
Factor 1. Emotional experience of destructiveness (22.95% variance)	
Emotions — negative	0.699
Actions — active	0.657
Feelings — intersubjective	0.617
Feelings — social	0.551
Feelings — intrasubjective	0.434
Factor 2. Positive assessment of destructiveness (37.4% variance)	
Actions — verbal	0.607
Emotions — positive	0.558
Meaning — positive life experience	0.347
Factor 3. Ambiguous assessment of destructiveness (50.1% variance)	
Meaning — ambiguous experience	0.828
Positive changes in life	0.641
Thoughts — characteristics of purpose of actions	0.471
Factor 4. Ambivalent emotional experience of destructiveness (59.7% variance)	
Emotions — both positive and negative	0.734
Meaning — neutral experience	0.497
Factor 5. Cognitive assessment of the situation of destruction (68.7% variance)	
Thoughts — assessments of the situation	0.578
Factor 6. Negative assessment of destructiveness (75.9% variance)	
Meaning — negative experience	0.478
Actions — passive	0.358

Полученная модель согласуется с данными тематического контент-анализа: выявленные факторы соответствуют когнитивным, эмоциональным и смысловым аспектам переживания деструктивности.

Так, фактор 1 «Эмоциональное переживание деструктивности» объединяет различные по своему предмету чувства, составляющие переживание собственной деструктивности: интересубъектные, интрасубъектные и социальные. При этом эмоциональная окраска переживаний является преимущественно негативной. Кроме того, с яркой эмоциональной экспрессией связаны внешне наблюдаемые поведенческие паттерны: человек, интенсивно переживающий деструктивность, может проявлять ее в активных действиях, в том числе в форме физического насилия. Подтверждением этого тезиса является цитата из одного интервью: *«Я хотел ударить его с ноги по лицу. Чувствовал гнев, агрессию, ненависть, желание отомстить, обиду и вину».*

Фактор 2 «Положительная оценка собственной деструктивности» включает переменные, соответствующие позитивному отношению к деструкции, которое выражается и в эмоциональной оценке, и в когнитивной интерпретации. С этим аспектом переживания связаны вербальные проявления деструктивности. Тематический контент-анализ данных интервью позволил обнаружить аналогичные результаты: ссоры и конфликты, в которых деструктивность в вербальной форме направляется на другого человека (прежде всего близкого, например, партнера), часто интерпретируются личностью как значимый и ценный опыт, способствовавший либо сохранению, укреплению или перестройке отношений, либо отстаиванию границ собственного «Я», обретению большей независимости (*«Эта ситуация позволила сделать явным для него мое отношение, мое ощущение себя»*).

Противоположный по смыслу фактор 6 «Отрицательная оценка собственной деструктивности» объединяет интерпретацию проявлений собственной деструктивности как однозначно негативного жизненного опыта и пассивные действия как преобладающий компонент переживания разрушения. Результаты контент-анализа свидетельствуют о том, что этим переменным чаще всего соответствуют ситуации проявления аутодеструктивности. На следующем примере можно увидеть, как переживание пассивного саморазрушения наделяется резко негативным личностным смыслом:

«Я довела себя до иступления. Сама себя осуждала, доводила себя до состояния немоцности, до такого состояния, когда люди как

психи. Лежала, свернувшись клубочком возле маминых ног, расштанное состояние, пустая голова... Я знала, что мне нельзя нервничать, но не могла остановить себя, знала, что мне будет плохо, что будут определённые последствия, а я не останавливалась. Поэтому это саморазрушение».

Факторы 3 и 5 в большей мере характеризуют когнитивные компоненты переживания. Например, неоднозначная когнитивная оценка собственной деструктивности представлена фактором 3. Переживание деструктивности интерпретируется как сложный, противоречивый опыт, связанный в том числе с позитивными изменениями в жизни. С этим фактором коррелирует переменная «мысли о целевых характеристиках собственных действий»: можно предположить, что ей соответствует намеренное и целенаправленное разрушение, т.е. сознательное проявление деструктивности («я **защищаюсь**, отстаиваю границы», «**собрать вещи и убежать**», «я буду **мстить**, ты мне все портишь»).

Фактор 5 «Когнитивная оценка ситуации разрушения» имеет схожий смысл, однако он представлен другой переменной — «мыслительная оценка ситуации». Предполагаем, что в этом аспекте переживания также имеет место высокий уровень осознанности и рефлексии, но разрушение в данном случае не является целенаправленным, человек не осмысляет себя активно действующим субъектом, а скорее пассивно наблюдает за ситуацией («**Как грустно, как тяжело, как я устала**», «**Почему я не звоню** (чтобы помириться), я же могу?», «**Почему ты делаешь выбор в пользу других людей?**»).

Наконец, фактор 4 «Амбивалентное эмоциональное переживание деструктивности» так же, как и факторы 1 и 2, описывает преимущественно эмоциональное наполнение деструктивных ситуаций, которое может характеризоваться сочетанием положительных и отрицательных эмоций, т.е. являться противоречивым и неоднозначным. Такому аспекту переживания соответствует нейтральная интерпретация проявлений деструктивности, которые рассматриваются как нечто обыденное, бытовое, незначимое. Фактору 4 могут соответствовать ситуации разрушения материальных объектов, часто сопровождаемые позитивными эмоциями и отреагированием негативных: «**Это рядовой случай. Крушение мебели деструктивно, но я не могу по-другому себя успокоить**».

Далее с целью дифференцирования групп респондентов в зависимости от преобладающих компонентов переживания личностью собственной деструктивности был выполнен кластерный анализ на-

блюдений с группировкой по выявленным факторам. Иерархический кластерный анализ и кластеризация по методу k-средних позволили выделить 4 группы респондентов (3 итерации). Соотношение компонентов переживания личностью собственной деструктивности (выявленных факторов) в 4 группах отображено на рис. 3.

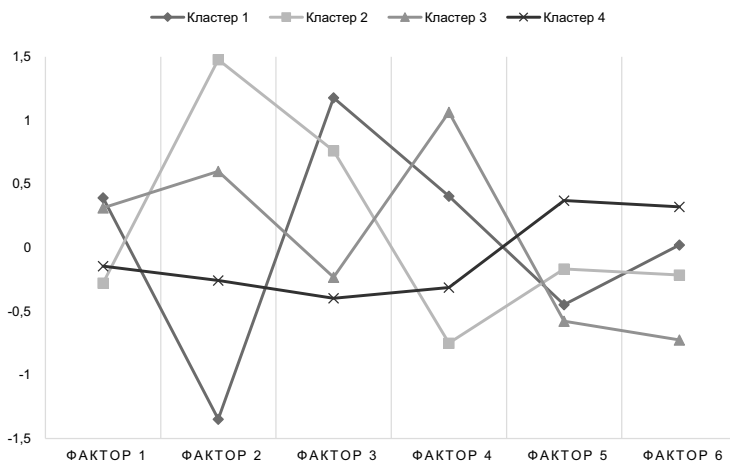

Рис. 3. Соотношение компонентов переживания личностью собственной деструктивности в группах респондентов (конечные центры кластеров)

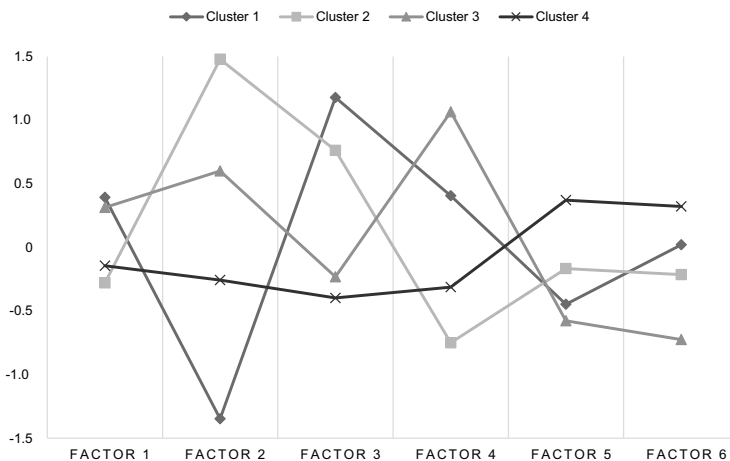

Fig. 3. Dimension of the components of personality's experience of its own destructiveness in groups of respondents (end centers of clusters)

1-я группа респондентов ($n = 4$) характеризуется выраженностью «Эмоционального переживания деструктивности» (фактор 1). Респонденты этой группы крайне редко оценивают проявления своей деструктивности однозначно положительно (низкие значения по фактору 2) и стараются осознать происходящее с точки зрения намерений и целенаправленности деструктивных действий (высокие значения по фактору 3). У них преобладает противоречивая оценка собственной деструктивности (также фактор 3), что позволяет описать их переживания собственной деструктивности как неоднозначный опыт, имеющий негативную эмоциональную окраску, но способствующий позитивным изменениям в жизни. Соответственно, данная группа была названа нами «Двойственно интерпретирующие собственную деструктивность».

Для 2-й группы респондентов ($n = 4$) характерно преобладание фактора 2 «Положительная оценка собственной деструктивности» и значительная выраженность фактора 3 (как и у первой группы). В целом они положительно переживают свой деструктивный опыт как в ментальном, так и в эмоциональном плане, видят в нем позитивные моменты и уточняют его неоднозначную роль в жизни. Одновременно для них характерны сниженные показатели по фактору 4 «Амбивалентное эмоциональное переживание деструктивности», что говорит о конкретности и определенности эмоционального отношения к явлениям деструкции. Согласно высокой выраженности фактора 2 мы обозначили данную группу как «Позитивно переживающие собственную деструктивность».

3-я группа ($n = 9$), в отличие от 2-й, включает респондентов, которые амбивалентно переживают собственную деструктивность (фактор 4). Они отмечают много противоречивых, одновременно и положительных, и отрицательных эмоций в связи с деструкцией, но при этом собственные проявления деструктивности рассматривают как обыденные и незначимые события жизни. Многие описываемые этими респондентами ситуации связаны с разрушением материальных объектов, которое позволяет отреагировать негативные эмоции и испытать положительные. Эта группа описана нами как «Амбивалентно переживающие собственную деструктивность».

И, наконец, самая многочисленная 4-я группа ($n = 16$) объединяет «Негативно оценивающих собственную деструктивность» респондентов (фактор 6), склонных к когнитивным интерпретациям ситуаций разрушения (фактор 5). Поскольку эта группа включает наибольшее количество участников, можно сделать вывод, что боль-

шинство респондентов переживают собственную деструктивность в однозначно негативном и отрицательном ключе. При этом выраженность фактора 5 у данной группы говорит о связи осознания различных характеристик деструктивной ситуации с негативной интерпретацией своего поведения.

Завершая анализ результатов кластеризации выборки, стоит отметить, что такое распределение респондентов по группам может объясняться социальной желательностью их ответов на вопросы интервью, которая обуславливает демонстрацию однозначно негативного отношения к феномену деструктивности. Вместе с тем мы предполагаем, что частота встречаемости отрицательной оценки может быть связана со склонностью большинства участников выборки к рационализации собственных деструктивных проявлений, а также со значимой ролью ценностно-смысловой сферы личности в переживании деструктивности — преобладанием гуманистических мотивов и ценностей у респондентов.

Связь особенностей переживания личностью собственной деструктивности с устойчивыми характеристиками личности

Одной из задач исследования являлось соотнесение результатов анализа полуструктурированного интервью с данными опроса с использованием психодиагностических методик. В связи с этим был выполнен сравнительный анализ показателей тестовых шкал в 4-х дифференцированных группах респондентов с помощью критерия Краскала-Уоллиса. Значимые различия ($p \leq 0,05$) были обнаружены только по шкале опросника ISTA «деструктивная агрессия» (рис. 4).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что респонденты, двойственно интерпретирующие и амбивалентно переживающие собственную деструктивность, характеризуются более высоким уровнем деструктивной агрессии ($M = 60,25 \pm 5,67$ и $M = 55 \pm 7,16$ соответственно) по сравнению с теми, кто переживает деструктивность однозначно положительно ($M = 45,8 \pm 2,9$) или оценивает ее однозначно отрицательно ($M = 47,3 \pm 6,9$). Выявленные различия могут объясняться большей выраженностью эмоциональных компонентов переживания в группах 1 и 3: разнообразному, насыщенному и противоречивому эмоциональному наполнению переживаний может соответствовать более высокий уровень агрессии, в то время как рациональное осмысление собственных деструктивных проявлений может снижать ее уровень.

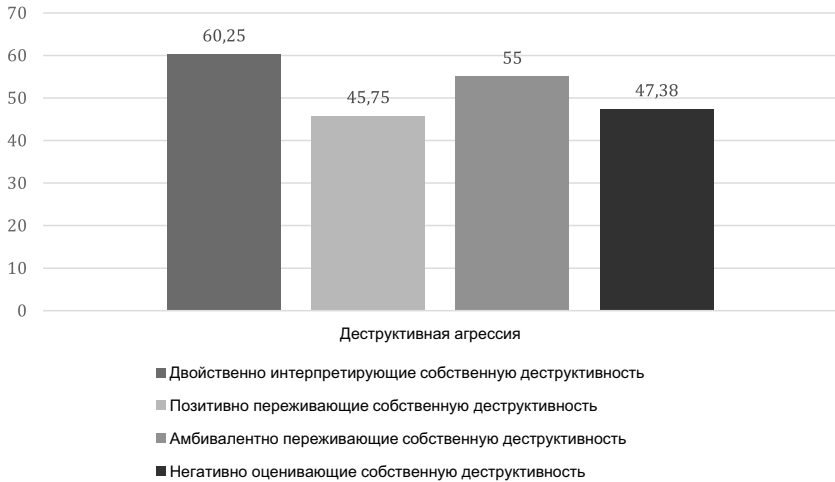

Рис. 4. Различия по шкале «деструктивная агрессия» в 4-х группах респондентов, дифференцированных в зависимости от типа переживания собственной деструктивности

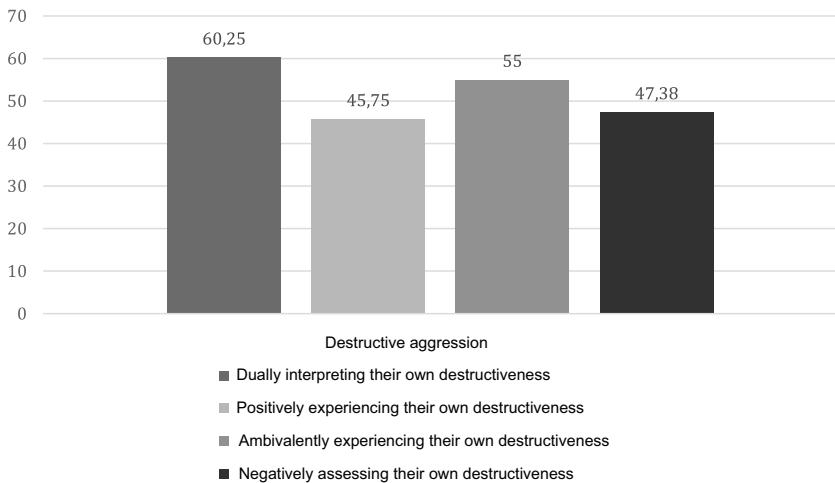

Fig. 4. Differences on the scale of “destructive aggression” in 4 groups of respondents, differentiated depending on the type of experience of their own destructiveness

Для дальнейшей проверки гипотезы о наличии связи особенностей переживания личностью собственной деструктивности с элементами структуры личности были проведены корреляционный и регрессионный анализы.

Обнаружено, что данные, полученные с помощью методик «Я-структурный тест Г. Аммона» (ISTA) и «Многофакторный личностный опросник Р.Б. Кеттелла» (16PF) согласуются с результатами полуструктурированного интервью: корреляционный анализ по методу Спирмена подтвердил наличие достоверно значимых связей ($p \leq 0,05$) показателей нескольких шкал методик со значениями выявленных в ходе анализа интервью факторов. Так, например, была выявлена положительная связь позитивного переживания собственной деструктивности (фактор 2) с чувствительностью личности по опроснику 16PF ($r = 0,47$; $p = 0,009$). Также была обнаружена положительная связь эмоционального переживания собственной деструктивности (фактор 1) с показателями таких шкал методики ISTA, как «деструктивное внешнее Я-отграничение» ($r = 0,62$; $p = 0$) и «деструктивность личности (как суммарный показатель)» ($r = 0,47$; $p = 0,009$).

На этом основании была построена регрессионная модель ($r^2 = 0,624$ при $p \leq 0,05$), в которой в качестве зависимой переменной выступил параметр «Деструктивность личности», измеренный с помощью методики ISTA, а в качестве независимых — шкалы опросника 16PF и компоненты (факторы) переживания личностью собственной деструктивности по результатам интервью (табл. 4).

Результаты регрессионного анализа подтвердили, что 62,4% дисперсии переменной «Деструктивность личности» обусловлены влиянием предикторов. Выявлено, что переменными, вносящими вклад в личностный показатель деструктивности, выступают «Эмоциональное переживание деструктивности» ($\beta = 0,543$, $p = 0,001$), «Эмоциональная стабильность» ($\beta = -0,354$, $p = 0,013$), «Чувствительность» ($\beta = -0,44$, $p = 0,004$), «Нонконформизм» ($\beta = 0,28$, $p = 0,035$). Иными словами, высокая степень выраженности деструктивности обусловлена низким уровнем эмоциональной стабильности и чувствительности, а также выраженным нонконформизмом и склонностью к интенсивному эмоциональному переживанию собственной деструктивности.

Полученные данные согласуются с результатами исследования К.В. Злоказова и В.П. Прядеина (Злоказов, Прядеин, 2014). Среди основных составляющих деструктивности как комплексного свойства личности авторы рассматривали в том числе астенические индиви-

дуально-типологические особенности, которым соответствуют эмоциональная нестабильность и яркая выраженность эмоциональных компонентов переживания, а также преобладание асоциальных мотивов в ценностно-смысловой сфере личности, с которыми связаны низкая чувствительность и чрезмерно выраженный нонконформизм.

Таблица 4

Регрессионная модель переменной «Деструктивность личности»
 (результаты линейного регрессионного анализа с пошаговым включением)

Модель	Нестандарт. коэффициенты регрессии		Стандарт. коэффициент регрессии	t-критерий	Уровень статистической значимости (p)
	B	стандарт. ошибка	β		
Константа	415,209	35,485		11,701	0,000
Эмоциональное переживание деструктивности	26,192	6,831	0,543**	3,834	0,001
Эмоциональная стабильность	-8,336	3,126	-0,354*	-2,666	0,013
Чувствительность	-11,741	3,725	-0,437**	-3,152	0,004
Нонконформизм	5,458	2,451	0,283*	2,227	0,035

Примечание: * — отмечены статистически значимые результаты на уровне $p \leq 0,05$;
 ** — отмечены статистически значимые результаты на уровне $p \leq 0,01$.

Table 4

Regression model of the variable "Personality destructiveness"
 (results of stepwise linear regression analysis)

Model	Unstandardized coefficients of regression		Standardized coefficient of regression	t	p-value
	B	Std. Error	β		
Constant	415.209	35.485		11.701	0.000
Emotional experience of destructiveness	26.192	6.831	0.543**	3.834	0.001
Emotional stability	-8.336	3.126	-0.354*	-2.666	0.013
Sensitivity	-11.741	3.725	-0.437**	-3.152	0.004
Nonconformism	5.458	2.451	0.283*	2.227	0.035

Note: * — results with significance level $p \leq 0,05$; ** — results with significance level $p \leq 0,01$

Необходимо отметить, что оценочные (мысли) и смысловые (отношение) компоненты переживания личности не вошли в регрессионную модель. Данный факт может говорить о существенных различиях при оценке феноменологии переживаний собственной деструктивности человеком и деструктивности как личностной черты. В первом случае речь идет о внутренних процессах и опыте, который сам человек определяет для себя как деструкцию. Во втором — о закрепившихся поведенческих паттернах, типично проявляющихся в различных жизненных ситуациях.

Выводы

В ходе исследования были получены следующие значимые результаты:

1) Феноменологическое описание особенностей переживания личностью собственной деструктивности позволило изучить специфику понимания и осмысления этого феномена, дифференцировать типичные ситуации проявления деструктивности в зависимости от ее направленности на себя, на другого человека или на материальные объекты, а также выявить значимые компоненты переживания подобных жизненных ситуаций: преобладающие мысли, эмоции и чувства, действия, личностный смысл, приписываемый собственной деструктивности.

2) Была обнаружена связь степени выраженности деструктивности как свойства личности с низким уровнем эмоциональной стабильности и чувствительности, а также с выраженным нонконформизмом и склонностью к интенсивному эмоциональному переживанию собственной деструктивности.

Эмпирические результаты исследования согласуются с его теоретическими предпосылками и являются доказательством неоднозначности и многовекторности феномена деструктивности, связанного не только с отрицательными, но с положительными и конструктивными смыслами и значениями, а также с позитивными жизненными изменениями в представлениях личности.

Теоретическая значимость исследования состоит в расширении научных представлений о феномене деструктивности, его смысловом наполнении в жизненном контексте и переживаниях личности. Кроме того, данная работа является попыткой обнаружить пути пересечения методологических принципов психоанализа и академической психологии на примере изучения деструктивности.

Данные об особенностях переживания личностью собственной деструктивности, их связи с положительными и конструктивными смыслами и значениями, позитивными изменениями в жизни, а также с устойчивыми свойствами личности, могут представлять практическую ценность для психологического консультирования и психотерапии. Концепция деструктивности личности может быть использована для описания и интерпретации широкого круга психологических явлений, составляющих актуальные запросы клиентов в консультативной и психотерапевтической практике.

Существенными ограничениями исследования являются малочисленность выборки и ее однообразие по ряду социально-демографических характеристик, например, по гендерной принадлежности и уровню образования. Также серьезным ограничением использованных методов является исключение из рассмотрения поведенческих паттернов непосредственного проявления деструктивности, доступных наблюдению только в экспериментальном исследовании.

Перспективы дальнейшего изучения феномена деструктивности могут заключаться в расширении выборки респондентов и повышении ее репрезентативности, использовании дополнительных диагностических методик и статистических методов для решения новых эмпирических задач, а также в экспериментальном исследовании деструктивности в связи с параметрами устойчивости и изменчивости личности с опорой на методологию процессуального подхода.

Литература

Аммон Г. Динамическая психиатрия в ракурсах времени. К столетию со дня рождения. М.: ИД «Городец», 2019.

Васильюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл; Per Se, 2000.

Дьяков С.И. Семантическая репрезентация деструктивного опыта в системе психической самоорганизации личности // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8, № 4. С. 123–137.

Злоказов К.В. Деструктивное социальное поведение: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2017.

Злоказов К.В., Прядеин В.П. Деструктивность личности: социально-психологическое исследование: монография. Сургут: СурГПУ, 2014.

Ипатов А.В., Шишигина Т.Р. Аутодеструктивное поведение подростков в контексте отклоняющегося развития личности // *Акмеология*. 2018. № 4 (68). С. 25–30.

Костромина С.Н. Методология исследований личности: структурный подход vs динамический // *Психология личности. Пребывание в изменении: коллективная монография* / Под ред. Н.В. Гришиной. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2019. С. 17–54.

Костромина С.Н., Гришина Н.В., Мироненко И.А. Структура проблемного поля современной психологии личности // *Психологический журнал*. 2018. Т. 39, № 1. С. 26–35.

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2007.

Лысак И.В. Философский анализ деструктивной деятельности человека. Саратов: Вузовское образование, 2014.

Польская Н.А. Феноменология и функции самоповреждающего поведения при нормативном и нарушенном психическом развитии: дисс. ... докт. психол. наук. М., 2017.

Розенберг Б. Мазохизм смерти и мазохизм жизни. М.: Когито-Центр, 2018.

Улановский А.М. Феноменология в психологии и психотерапии: прояснение неотчетливых переживаний // *Московский психотерапевтический журнал*. 2009. № 2. С. 27–51.

Фахрутдинова Л.Р. Категория переживания в психологии состояний человека. Психология состояний человека: актуальные теоретические и прикладные проблемы. Казань, 2018.

Филатова А.Ф. Особенности переживания личностью собственной деструктивности: выпускная квалификационная работа (дисс. магистра психологии). СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2022.

Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. Полное собрание сочинений: в 26 т. Т. 13, 14: Статьи по метапсихологии. СПб.: Восточно-Европейский ин-т психоанализа, 2020.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2017.

Хорошилов Д.А., Мельникова О.Т. Методологические проблемы качественных исследований в психологии. М.: Акрополь, 2020.

Шпильрейн С.Н. Деструкция как причина становления. Сабина Шпильрейн: над временем и судьбой: сб. статей / Сост., автор вступ. ст. Ф.Р. Филатов. Ростов-н/Д: МиниТайп, 2020.

Anton, H. (2020). Experiencing and being in borderline situations are the same — A philosophical meditation about Karl Jaspers' proposition: Based on a lecture on June 20, 2019 at the Rheinfelden Psychotherapy Day "Psychotherapy and Limits". *Swiss Archives of Neurology, Psychiatry and Psychotherapy*, 171 (2). <https://doi.org/10.4414/sanp.2020.03092>

Bohleber, W. (2018). Collective phantasms, destructiveness, and terrorism. In: *Violence or Dialogue? Psychoanalytic Insights on Terror and Terrorism* (pp. 111–130). <https://doi.org/10.4324/9780429484704>

Boyes, M.E., Wilmot, A., Hasking, P.A. (2020). Nonsuicidal Self-Injury-Related Differences in the Experience of Negative and Positive Emotion. *Suicide & life-threatening behavior*, 50 (2), 437–448. <https://doi.org/10.1111/sltb.12599>

Coleman, S.E., Dunlop, B.J., Hartley, S., Taylor, P.J. (2022). The relationship between rumination and NSSI: A systematic review and meta-analysis. *The British journal of clinical psychology*, 61 (2), 405–443. <https://doi.org/10.1111/bjc.12350>

Furnham, A., Cheng, H. (2019). The change and stability of NEO scores over six-years: A British study and a short review. *Personality and Individual Differences*, 144, 105–110. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.02.038>

Greenberger, D.B., Allen, V.L. (1980). Destruction and complexity: An application of aesthetic theory. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 6 (3), 479–483. <https://doi.org/10.1177/014616728063025>

Kapsambelis, V. (2018). Disorganization and destructiveness. *Revue Francaise de Psychosomatique*, 54 (2), 95–112. <https://doi.org/10.3917/rfps.054.0095>

Kolbeck, K., Moritz, S., Bierbrodt, J., Andreou, C. (2019). Borderline Personality Disorder: Associations Between Dimensional Personality Profiles and Self-Destructive Behaviors. *Journal of personality disorders*, 33 (2), 249–261. https://doi.org/10.1521/pedi_2018_32_346

Recarte, A. (2020). Creative Performances: Horror and Human Destructiveness in Psychoanalytic Writing. *Studies in Gender and Sexuality*, 21 (3), 231–237. <https://doi.org/10.1080/15240657.2020.1798190>

Rosenthal, R.J. (2018). Raskolnikov's transgression and the confusion between destructiveness and creativity. In book: *Do I Dare Disturb the Universe? A Memorial to W.R. Bion* (pp. 199–235). <https://doi.org/10.4324/9780429473852-13>

Sheehy, K., Noureen, A., Khaliq, A., Dhingra, K., Husain, N., Pontin, E.E., Cawley, R., Taylor, P.J. (2019). An examination of the relationship between shame, guilt and self-harm: A systematic review and meta-analysis. *Clinical psychology review*, 73, 101779. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2019.101779>

Sosnowska, J., Kuppens, P., De Fruyt, F., Hofmans, J. (2019). A dynamic systems approach to personality: The Personality Dynamics (PersDyn) model. *Personality and Individual Difference*, 144, 11–18. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.02.013>

Sosnowska, J., Kuppens, P., De Fruyt, F., Hofmans, J. (2020). New Directions in the Conceptualization and Assessment of Personality — A Dynamic Systems Approach. *European Journal of Personality*, 34 (6), 988–998. <https://doi.org/10.1002/per.2233>

Strus, W., Ciecuch, J. (2017). Towards a Synthesis of Personality, Temperament, Motivation, Emotion and Mental Health Models within the Circumplex of Personality Meta Traits. *Journal of Research in Personality*, 66, 70–95. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2016.12.002>

Taylor, P.J., Jomar, K., Dhingra, K., Forrester, R., Shahmalak, U., Dickson, J.M. (2018). A meta-analysis of the prevalence of different functions of non-suicidal self-injury. *Journal of affective disorders*, 227, 759–769. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2017.11.073>

Tsirigotis, K. (2018). Women, Femininity, Indirect and Direct Self-Destructiveness. A Review. *Psychiatric quarterly*, 89 (2), 427–437. <https://doi.org/10.1007/s11126-017-9545-4>

References

Ammon, G. (2019). Dynamic psychiatry in the perspective of time. To the centenary of the birth. Moscow: PH “Gorodets”. (In Russ.).

Anton, H. (2020). Experiencing and being in borderline situations are the same. A philosophical meditation about Karl Jaspers’ proposition: Based on a lecture on June 20, 2019 at the Rheinfelden Psychotherapy Day “Psychotherapy and Limits”. *Swiss Archives of Neurology, Psychiatry and Psychotherapy*, 171 (2). <https://doi.org/10.4414/sanp.2020.03092>

Bohleber, W. (2018). Collective phantasms, destructiveness, and terrorism. In: Violence or Dialogue? Psychoanalytic Insights on Terror and Terrorism (pp. 111–130). <https://doi.org/10.4324/9780429484704>

Boyes, M.E., Wilmot, A., Hasking, P.A. (2020). Nonsuicidal Self-Injury-Related Differences in the Experience of Negative and Positive Emotion. *Suicide & life-threatening behavior*, 50 (2), 437–448. <https://doi.org/10.1111/sltb.12599>

Coleman, S.E., Dunlop, B.J., Hartley, S., Taylor, P.J. (2022). The relationship between rumination and NSSI: A systematic review and meta-analysis. *The British journal of clinical psychology*, 61 (2), 405–443. <https://doi.org/10.1111/bjc.12350>

Dyakov, S.I. (2019). Semantic representation of destructive experience in the system of mental self-organization of personality. *Klinicheskaya i spetsial’naya psikhologiya (Clinical and Special Psychology)*, 8 (4), 123–137. (In Russ.).

Fakhrutdinova, L.R. (2018). Category of experience in the psychology of human states. Psychology of human states: actual theoretical and applied problems. Kazan’. (In Russ.).

Filatova A.F. (2022). Osobennosti perezhivaniya lichnost’yu sobstvennoi destruktivnosti: diss. magistra psikhologii. (Features of the personality’s experience of its own destructiveness). Masters Dissertation (Psychology). St. Petersburg. (in Russ.).

Freud, S. (2020). Beyond the Pleasure Principle. Complete works in 26 volumes. Vol. 13, 14: Metapsychology Articles (pp. 193–255). St. Petersburg: Publishing House of East European Institute of Psychoanalysis. (In Russ.).

Fromm, E. (2017). The anatomy of human destructiveness. Moscow: AST. (in Russ.).

Furnham, A., Cheng, H. (2019). The change and stability of NEO scores over six-years: A British study and a short review. *Personality and Individual Differences*, 144, 105–110. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.02.038>

Greenberger, D.B., Allen, V.L. (1980). Destruction and complexity: An application of aesthetic theory. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 6 (3), 479–483. <https://doi.org/10.1177/014616728063025>

Ipatov, A.V., Shishigina, T.R. (2018). Self-destructive behavior of adolescents in the context of deviant personality development. *Akmeologiya (Acmeology)*, 4 (68), 25–30. (In Russ.)

Kapsambelis, V. (2018). Disorganization and destructiveness. *Revue Francaise de Psychosomatique*, 54 (2), 95–112. <https://doi.org/10.3917/rfps.054.0095>

Khoroshilov, D.A., Mel'nikova, O.T. (2020). Methodological issues of qualitative research in psychology. Moscow: Akropol'. (In Russ.).

Kolbeck, K., Moritz, S., Bierbrodt, J., Andreou, C. (2019). Borderline Personality Disorder: Associations Between Dimensional Personality Profiles and Self-Destructive Behaviors. *Journal of personality disorders*, 33 (2), 249–261. https://doi.org/10.1521/pedi_2018_32_346

Kostromina, S.N. (2019). Personality Research Methodology: Structural Approach vs. Dynamic. In: N.V. Grishina (Eds.), *Psychology of personality. Staying in Change: A Collective Monograph* (pp. 17–54). St. Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta. (In Russ.).

Kostromina, S.N., Grishina, N.V., Mironenko, I.A. (2018). A problematic field structure of contemporary psychology of personality. *Psikhologicheskii zhurnal (Psychological journal)*, 39 (1), 26–35. <https://doi.org/10.7868/S0205959218010038> (In Russ.).

Leont'ev, D.A. (2007). *Psychology of Meaning: nature, structure and dynamics of meaning reality*. 3rd ed. add. Moscow: Smysl. (In Russ.).

Lysak, I.V. (2014). *Philosophical analysis of destructive human activity*. Saratov: Vuzovskoe obrazovanie. (In Russ.).

Pol'skaya, N.A. (2017). *Fenomenologiya i funktsii samopovrezhdayushchego povedeniya pri normativnom i narushennom psikhicheskom razvitii: diss. ... dokt. psikhol. nauk. (Phenomenology and functions of self-injurious behavior in normative and impaired mental development)*. Doctoral dissertation (Psychology). Moscow. (In Russ.).

Recarte, A. (2020). Creative Performances: Horror and Human Destructiveness in Psychoanalytic Writing. *Studies in Gender and Sexuality*, 21 (3), 231–237. <https://doi.org/10.1080/15240657.2020.1798190>

Rosenberg, B. (2018). *Masochism of death and masochism of life*. M.: Cogito-Centre. (In Russ.).

Rosenthal, R.J. (2018). Raskolnikov's transgression and the confusion between destructiveness and creativity. In book: *Do I Dare Disturb the Universe? A Memorial to W.R. Bion* (pp. 199–235). <https://doi.org/10.4324/9780429473852-13>

Sheehy, K., Noureen, A., Khaliq, A., Dhingra, K., Husain, N., Pontin, E.E., Cawley, R., Taylor, P.J. (2019). An examination of the relationship between shame, guilt and self-harm: A systematic review and meta-analysis. *Clinical psychology review*, 73, 101779. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2019.101779>

Sosnowska, J., Kuppens, P., De Fruyt, F., Hofmans, J. (2019). A dynamic systems approach to personality: The Personality Dynamics (PersDyn) model. *Personality and Individual Differences*, 144, 11–18. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.02.013>

Sosnowska, J., Kuppens, P., De Fruyt, F., Hofmans, J. (2020). New Directions in the Conceptualization and Assessment of Personality — A Dynamic Systems Approach. *European Journal of Personality*, 34 (6), 988–998. <https://doi.org/10.1002/per.2233>

Spielrein, S.N. (2020). Destruction as the Cause of Coming Into Being. In F.R. Filatov (Eds.), Sabina Spielrein: Above time and fate: Collection of articles, (pp. 5–30). Rostov-on-Don: Mini Type. (In Russ.).

Strus, W., Ciecuch, J. (2017). Towards a Synthesis of Personality, Temperament, Motivation, Emotion and Mental Health Models within the Circumplex of Personality Meta Traits. *Journal of Research in Personalit*, 66, 70–95. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2016.12.002>

Taylor, P.J., Jomar, K., Dhingra, K., Forrester, R., Shahmalak, U., Dickson, J.M. (2018). A meta-analysis of the prevalence of different functions of non-suicidal self-injury. *Journal of affective disorders*, 227, 759–769. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2017.11.073>

Tsirigotis, K. (2018). Women, Femininity, Indirect and Direct Self-Destructiveness. A Review. *Psychiatric quarterly*, 89 (2), 427–437. <https://doi.org/10.1007/s11126-017-9545-4>

Ulanovskiy, A.M. (2009). Phenomenology in psychology and psychotherapy: clarification of indistinct experiences. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal (Moscow Psychotherapeutic Journal)*, 2, 27–51. (In Russ.).

Vasilyuk, F.E. (1984). The Psychology of Experiencing. An analysis of resolution of life's critical situations. Moscow: Moscow University Press. (In Russ.).

Vekker, L.M. (2000). Psyche and reality: On the way to a unified theory of mental processes. Moscow: Smysl Publ. (In Russ.).

Zlokazov, K.V. (2017). Destructive social behavior: a monograph. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russ.).

Zlokazov, K.V., Pryadein, V.P. (2014). Destructiveness of personality: socio-psychological research: a monograph. Surgut: Surgut Pedagogical University. (In Russ.).

Статья получена: 29.04.2022;

принята: 20.06.2022;

отредактирована: 20.09.2022.

Received: 29.04.2022;

accepted: 20.06.2022;

revised: 20.09.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Костромина Светлана Николаевна — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета, s.kostromina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9508-2587>

Филатова Анастасия Филипповна — аспирантка факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета, as.filatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1464-6107>

ABOUT AUTHORS

Svetlana N. Kostromina — Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Personality Psychology, Faculty of Psychology, St. Petersburg State University, s.kostromina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9508-2587>

Anastasya F. Filatova — Postgraduate student, the Faculty of Psychology, St. Petersburg State University, as.filatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1464-6107>